

**«У красавиц несчастливая судьба»?
История конкурсов красоты во Вьетнаме.
Часть I. Категория красоты и судьба красавиц
в традиционном Вьетнаме**

Сюннерберг Максим Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент, Институт стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва, hongik@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0111-9551>

Аннотация: Во Вьетнаме, стране конфуцианского культурного ареала, чувственная сторона отношений традиционно не выставлялась напоказ. Женской красоте не уделялось пристального внимания в художественной литературе, не говоря уже о государственных исторических изданиях. Зачастую употребление этого понятия носило негативный оттенок, а самим красавицам выпадала тяжелая доля. Кардинальные сдвиги в общественной мысли и социальной жизни Вьетнама в XX в. отразились и в восприятии красоты и возможностях женщин реализовывать себя посредством своей внешности, ярким проявлением чего стала масштабность проводимых в стране различных конкурсов красоты.

Ключевые слова: Вьетнам, женская красота, конкурс красоты, императорский гарем, женщины во Вьетнаме.

**"Beautiful women suffer unhappy fates"?
History of beauty pageants in Vietnam.
Part I. Category of beauty and the fate of beauties
in traditional Vietnam**

Maxim A. Syunnerberg

PhD in History, Assistant Professor, Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow, ORCID: 0000-0002-
0111-9551. E-mail: hongik@mail.ru

Abstract: In Vietnam, a country of the Confucian cultural area, the sensual side of relations has traditionally not been exposed. Female beauty has not received much attention in fiction, let alone state historical publications. Often the use of this concept had a negative connotation, and the beauties themselves had a hard lot. Fundamental shifts in social thought and social life in Vietnam in the 20th century reflected in the perception of beauty and the ability of women to realize themselves through their appearance, a striking manifestation of which was the scale of various beauty contests held in the country.

Key words: female beauty in Vietnam, beauty contest, imperial harem, women in Vietnam, the concept of aesthetic and social category.

На первый взгляд изучение конкурсов красоты не подразумевает какую-либо историческую проблематику. Однако помимо очевидного наполнения (непосредственного рассказа, желательно визуализированного, о системе проведения этих мероприятий и об их участницах), эта тема, будучи помещенной в историческую ретроспективу, затрагивает и более глубинные пласты социальной культуры и менталитета той или иной страны.

Понятие «красоты», формулирование ее обязательных атрибутов, отношение к ней в обществе, а также способы и возможности ее выражения разнятся от страны к стране, а внутри отдельной страны – от эпохи к эпохе. Возможность женщин демонстрировать свою красоту и реализовывать себя, в том числе во внешнем облике, являет собой важный аспект «женского вопроса», который был особенно востребован общественной мыслью первой половины XX в., и не утратил своей актуальности и в нынешнее время.

В связи с этим в состоящей из двух частей статье автор ставит целью дать краткую характеристику концепта «красоты» во Вьетнаме, найти в различных исторических источниках информацию о мероприятиях, которые можно считать своего рода аналогом конкурса красоты в традиционном Вьетнаме, и дать представление о современной системе этих конкурсов и судьбах их участниц. Последнее приобретает особую актуальность именно для Вьетнама, где устоялось мнение, что «талант и судьба изощряются в постоянной вражде между собой».

Красота как историко-культурный концепт в традиционном Вьетнаме

Во Вьетнаме физическая красота традиционно не занимала столь важного места в общественной мысли и литературе, как в европейских странах, где сложился целый культ Прекрасной Дамы, в котором помимо обязательной духовной составляющей особое место занимал идеал эротической любви. Страны конфуцианского культурного ареала, к которым относится и Вьетнам, больше ценили добродетельность и целомудренность девушки, ее послушание мужу и родителям. Абсолютный приоритет внутреннего мира над внешним обликом находит отражение и в классической вьетнамской литературе, что будет оговорено ниже.

В официальном дискурсе, проявляющемся в государственных хрониках и историко-географических изданиях, само понятие красоты как правило упоминалось в весьма негативном контексте. В

качестве наиболее яркого примера можно привести фразу Ле Тунга – высокопоставленного чиновника XVI века, автора «Общего рассуждения к всеобщему обозрению зеркала вьетской истории», помещенного перед основным текстом «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (Дайвьет Шы Ки Тоан Тхы): «Женская красота губит чужое царство»¹.

И действительно, вольно или невольно женская красота сыграла негативную роль во многих ранних эпизодах вьетнамской истории: достаточно вспомнить недовольство правителя царства Шу, которому не удалось заполучить в жены дочь Хунг-выонга и который завещал своим потомкам отомстить за нанесённое ему оскорбление (что и сделал Тхук Фан/Ан Зыонг Выонг), историю Ми Тяу и Чонг Тхюи, связанную с потерей Аулаком независимости и включением Северного Вьетнама в состав государства Намвьет, деятельность княгини-матери Цзюхоу при правителе Намвьета Ай Выонге.

Использование «женской красоты» в негативной коннотации можно встретить и в выражении, которое традиционно применялось при описании плохих правителей, – «увлекся вином и женщинами» (*вьет.* – *tửu sắc*), где *sắc* дословно и означает «женская красота». При этом традиционно слово «красавица» в стране передавали терминами *hồng nhan* и *mỹ nhân*.

Часто красавицы выступали в роли орудия в политической борьбе. Во вьетнамской историографии для этого существует отдельный термин *mỹ nhân kế*, что условно можно перевести как «женские уловки» или «женские чары». Этот термин часто применяется при описании правления династии Чан (1225–1400), причем как в негативном смысле (политических интриг), так и в свете освободительной борьбы против монголов. Во втором случае хрестоматийным примером является славившаяся своей красотой принцесса Ан Ты, младшая дочь императора Чан Тхай Тонга, которая в критический для вьетнамского императорского двора момент войны была отправлена в качестве дара монголам для заключения перемирия².

Любопытно, что в отражении исторических источников девушки привлекали внимание не столько внешним видом, сколько красивым голосом – император изначально был очарован именно голосом, не видя его обладательницы, и только затем влюблялся в ту или иную девушку. Среди множества подобных примеров можно выделить И Лан в XI в. или супругу Ли Тхан Тонга в XII в.

В исторических хрониках не приводится описаний внешности даже для императриц и принцесс. В неофициальной истории, фольклоре и литературных поэмах этому аспекту уделяется несколько больше внимания, хотя основной акцент в подобных произведениях сделан на внутренних переживаниях героев. Стоит учитывать, что для вьетнамской поэзии в принципе характерно тяготение к сюжетам национальной истории³. К примеру, при описании императрицы Зыонг Ван Нга, одной из наиболее ярких политических фигур X в., особый акцент делается на ее необыкновенной красоте (отметим, что описанию внешности мало какой другой женщины в народных сказаниях уделялось столько внимания): ее кожа была бела и нежна (типичный символ красоты для вьетнамцев), а лик был подобен луне (отсюда ее поэтическое имя); куда бы она ни ступала – природа преображалась и становилась краше.

Здесь уместно сравнение с самыми почитаемыми во Вьетнаме женщинами – сёстрами Чынг, возглавившими в I в. н.э. антикитайское восстание. Государственные хроники ограничиваются сухим изложением фактов; неофициальная история, включающая в себя обширное народное предание, – в целом тоже и даже в поэме «Записи Небесного Юга» («Thiên Nam ngũ lục») лишь одним словом упоминается внешний облик старшей из них:

«Взглянул Су Дин, увидел красавицу, возжелал её,
Вознамерился полонить, живой доставить в шатёр»⁴.

При том, что, как справедливо отметил Н.И. Никулин, во вьетнамских поэмах исторические персонажи предстают в фольклоризованных образах, это кардинально не отразилось на внимании к внешней красоте. Показательно, что в исторической хронике в отношении старшей сестры подчеркивалось, что «правительница была решительна и храбра», а летописец Нго Ши Лиен восхищался тем «сколь сильна она была духом», ведь «когда жена совершает деяния мужа, то дух ее, отважный и мужественный, поселяется в пространстве между Небом и Землей и не истощается даже после смерти тела»⁵.

Акцент авторов на внутренних переживаниях героев, их сомнениях и житейских тяготах не оставлял много места описанию внешнего облика. Показательно, что даже в стихах знаменитой поэтессы Хо Суан Хыонг, за свои прочувственные строки о тяжелой женской доле считающейся первой вьетнамской феминисткой, мы не увидим внешнего облика ее героинь. А ее знаменитые эротические стихи вместо предполагаемого жанром внимания к внешности

изобилуют образными сравнениями-аллегориями, через которые и передаётся содержание.

Для репрезентации вьетнамского понимания понятия «красоты», соотношения в ней физического и нравственного начал, её неизменных атрибутов и того, какую судьбу она уготовила ее обладательницам, наибольший интерес представляет самое знаменитое произведение вьетнамской литературы – «Поэма о Киеу», принадлежащая перу великого поэта и государственного деятеля Нгуен Зу (1766–1820). Поэме, ее автору и ее месту во вьетнамской культуре посвящена обширная исследовательская и научно-популярная литература; мы же здесь остановимся только на некоторых моментах.

Наиболее важным для нашей темы предстает то, что сохранившиеся и поныне ментальные стереотипы о женской красоте и о судьбе красавиц восходят, причем дословно, к этому произведению. Вербальным воплощением этого стереотипа стала ставшая классической фраза, которую мы вынесли и в название настоящей статьи, «У красавиц несчастливая судьба» (вьет. – *Hồng nhan bạc mệnh*; другой вариант – *Hồng nhan bạc phận*). Главная героиня поэмы – красавица Киеу, о тяжелой судьбе которой сразу же становится ясно из второго варианта названия произведения: «Стенания истерзанной души». Причины жизненной трагедии Киеу по Нгуен Зу заключаются в том, что она была одарена красотой и талантом, и за это судьба мстит ей.

Первые строки поэмы, которые наизусть знает каждый вьетнамец и которые на вьетнамском языке знакомы и большинству студентов-вьетнамистов, сразу расставляют акценты произведения: «В столетней жизни, отмеренной человеку на этом свете, Талант и Судьба изощряются в постоянной вражде между собой» (вьет. – *Trăm năm trong cõi người ta, Chữ tài chữ mệnh khéo là ghét nhau*)⁶. Талант здесь относится как к юношам, так и к девушкам. Но вот красота – уже только к прекрасному полу. Но так ли прекрасна была их жизнь? В контексте поэмы вопрос на самом деле риторический.

В тексте слово красавица (*hồng nhan*) встречается 12 раз. Самое первое упоминание – «судьба красавиц обычно хрупка, мимолетна» (строчка 65) – обозначало тональность всей поэмы. Чаще всего слово красавица сочетается как раз со словом *судьба* – *kiếp* или *phận*. По мнению автора, «Всевышний Творец если одаривает кого-нибудь розовыми щеками, то для равновесия подвергает ту многим лишениям и мукам» (строчка 1270).

Какие атрибуты красоты мы видим в тексте? Описание сестер – Киеу и Ван – начинается так: «Стан у них был стройный и хрупкий, как абрикосовые ветви, а дух чистый, как свежий снег» (строчка 17). Ван была настоящей красавицей, ведь она «смотрелась по-особенному статной», а ее «личико кругленькое, как полная луна, все линии тела округлённые», ее «улыбка свежа, как распустившийся цветок, а речь целомудренна и струится как падающие жемчужины», «темные тучи уступают красоте ее волос, а снег – белизне ее кожи».

Обратим внимание, что в этом описании встречаются многие из критериев, по которым оценивались претендентки на вхождение в императорский гарем в Китае (об этом – в следующем разделе статьи): белизна кожи, красота волос, линии тела, манера говорить и тембр голоса. Сами образы и сравнения скорее китайские (представить, как выглядит снег, обычный вьетнамец мог разве что во сне), но это вообще свойственно общественной мысли Вьетнама, воспринявший терминологический лексикон китайской философии и литературы.

Несмотря на все эти достоинства младшей сестры Ван, Киеу все же «кажется приметней и привлекательней, – И талантом и красотой намного превосходит сестру» (строчки 20–25). При этом автор не дает столь детального и конкретного описания внешности Киеу, ограничиваясь более общими комплиментами, согласно которым «ее глаза как прозрачное осеннее озеро, а черты лица изящные, как весенние цветы в горах».

К достоинствам Киеу автор также добавляет, что она «так прекрасна, что взглянет один раз – крепость зашатается, взглянет другой раз – падет целое царство» (тут уместно вспомнить процитированную в самом начале статьи фразу Ле Тунга). Талант Киеу заключался в том, что владела искусством стихосложения, живописью и всеми видами мастерства песнопения, усвоила пятиладный строй восточной музыки и добилась выдающегося мастерства в игре на музыкальном инструменте *тиба*. Думается, в современных конкурсах красоты у Киеу просто не было бы конкуренток.

Как видим, «Поэма о Киеу» выгодно отличается от большинства вьетнамских произведений вниманием к внешнему облику героини, вниманием к красоте вообще. Но отчасти из-за этого, отчасти из-за сюжета в целом данная поэма вызывала весьма противоречивые отклики во вьетнамском обществе даже в первой половине XX века. Многие считали ее откровенно пошлой, только портящей

нравы. Жаркая дискуссия по поводу этого произведения прослеживается на страницах самого известного литературного журнала «Южный ветер» («*Nam Phong*», 1917–1935).

Доминировавшая во Вьетнаме система семейно-брачных отношений не предполагала в качестве основы брака личные чувства молодых людей. Отношение к любви в конфуцианском дискурсе прекрасно сформулировано известным отечественным китаистом Л.С. Васильевым: «В традиционной конфуцианской системе ценностей чувство оказалось не только вторичным и второстепенным по сравнению с долгом — оно просто несоизмеримо с ним, будучи явлением иного порядка даже в тех случаях, когда, по представлениям европейцев, должно было бы занимать ведущее место, играть определяющую роль. В первую очередь это касается проблем любви и брака. Брак — категория долга, реализация интересов семьи, требование культа предков. Любовь же... явление совершенно иного плана, нечто как бы низменное, почти животное»⁷.

Таким образом, красота не была жизненно необходимым условием для вступления в удачный брак. Учитывая проиллюстрированную «Поэмой о Киеу» судьбу красавиц, может сложиться впечатление, что у девушек было не так много стимулов соревноваться, кто из них «всех румяней и белее».

В то же время не стоит абсолютизировать данные того, что нами почерпнуто из имеющихся источников. Как верно отметил известный своими весьма оригинальными работами вьетнамский историк Та Ти Дай Чьонг, роль женщин, равно как и роль «мужского влечения к женщине» конфуцианскими историками не принимались в расчет. Одна из глав его работы «Прочтение истории Вьетнама» была очень показательно названа «Пол и династия» (в оригинале название главы включает в себя и чувственный аспект — «*Sex và Triêu đại*»). В ней, в частности, отмечается, что в реальности отношения между мужчинами и женщинами в первые века 2-го тысячелетия не были столь регламентированы и предполагали значительно большую свободу в сравнении с поздней конфуцианской интерпретацией, ретранслирующийся во всех вьетнамских исторических документах.

Помимо естественного стремления для женщин хорошо выглядеть, стоит учитывать как минимум тот факт, что конфуцианская модель, в том числе и семейных отношений, была тотально доминирующей для средних и высших слоев общества. Кроме того,

она получила такое распространение лишь с XIV–XV вв. До этого, а в низших слоях общества и впоследствии, отношение к личной жизни было более простым. В рамках проводимых в деревнях фестивалей, когда юноши и девушки свободно общались между собой, проводились различные игры, в которых юноши демонстрировали свои таланты и силу, а девушки – помимо полагавшихся им талантов ещё и красоту.

Также одним из стимулов прослыть красавицей была надежда на то, что на тебя обратит внимание какой-либо влиятельный человек и возьмет в жёны, хотя бы в качестве младшей жены. Вершиной подобного стремления могло быть желание попасть в императорский гарем в рамках проводимого в него отбора.

Отбор девушек в императорский гарем

В Западном мире первым конкурсом красоты считают мифическое состязание Париса, в котором участвовали богини Гера, Афродита и Афина. Наиболее давние документально подтверждённые конкурсы красоты прошли в греческом Коринфе в VII веке до н. э.

Своеобразным конкурсом красоты выступал смотр невест из числа самых красивых девушек страны для монарха. Начавший проводиться в Византии, этот обычай был воспринят на Руси, чему существует большое количество документальных свидетельств и которому посвящена обширная научная литература, в том числе зарубежная⁸. Так, на свадьбу царя Михаила Федоровича в 1626 г. выбор невесты проходил в форме подобного смотра, когда в Москву привезли 60 девиц преимущественно из старинных и влиятельных княжеских и боярских родов; при этом победительницей стала представительница отнюдь не самого знатного рода Стрешневых⁹. В целом же процедура отбора невест для государя не была разовым мероприятием, а носила длительный (иногда по несколько месяцев) многоступенчатый характер, затрагивая несколько административных уровней.

На Дальнем Востоке аналогом смотра невест можно назвать отбор претенденток для вхождения в императорский гарем. Этот «кастинг» довольно хорошо проиллюстрирован на примере Китая. Подобное мероприятие было регламентировано и в нем были задействованы несколько сотен девушек в возрасте от 13 до 25 лет, отбор которых осуществлялся по различным этапам и соответствующим критериям: внешность, ухоженность, приятный голос, манера ходить и говорить. При оценке внешности вначале отсеивались

те, кто не вписывался в стандарты, например, были слишком высокого или низкого роста или обладали грубыми чертами лица. Особенно ценились белизна кожи, красивые волосы и отсутствие обильной растительности на теле, миниатюрность ног, общая пропорциональность тела и др.

К сожалению, подобного материала по Вьетнаму практически нет. В крупнейших вьетнамских хрониках – «Краткая история Вьетна» (Вьет Шы Лыок), «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (Тоан Тхы) и «Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности» (Кыонг Мук) содержится довольно много упоминаний гарема и его обитательниц¹⁰. При должном анализе и интерпретации сведений такие сообщения позволяют немало узнать об этой структуре, иерархии и конкретной деятельности жен и наложниц императора, что представляется целесообразным отразить в отдельной статье. Помимо первичных официальных источников гаремная жизнь была популярным сюжетом «неофициальной истории» (*вьет. – dĩa sử*) и предметом некоторых специальных научных изысканий¹¹.

Однако информации по системе отбора девушек в гарем в хрониках практически нет. Не удалось найти ее и в крупнейшем издании, содержащем указы и постановления в рамках работы традиционных 6 министерств в XIX в., – «Одобренном высочайшим повелением своде законов империи Дайнам»¹². По линии Министерства ритуалов там приводятся указы, связанные с пожалованиями принцессам и императорским женам, строительством дворцов для них, но опять же не говорится о процедуре набора в гарем. В какой-то степени это позволяет предположить, что данное мероприятие во Вьетнаме было значительно менее масштабным в сравнении с Китаем и вероятно менее регламентированным и стандартизированным.

В действительности, насколько можно судить на основании исторических источников, большинство из гаремных женщин, оставивших более-менее яркий след в истории, попали в него или в ходе целенаправленной брачно-политической игры или же случайным образом по личной воле императора, в той или иной ситуации лично встретившимся с девушкой. На протяжении веков императоры брали в жены дочерей знатных и влиятельных родов – как правило, военных (особенно при династии Поздние Ле, 1428–1789) и, реже, гражданских. Выбор наследника, как правило, зависел от того, насколько влиятельному роду по внешней линии он принадле-

жал, насколько тот род, в свою очередь, был связан с правящим родом. В период Ле Мат при сложившейся системе *вуа-тюа* (монарх-правитель, своеобразный аналог японского сёгуната) императоры Ле были вынуждены жениться на девушках правящего рода Чиней и именно они получали титул *хоанг хау* или старшей жены.

Известны примеры женщин не из знатных родов, сделавших головокружительную карьеру в гареме и соответственно в дворцовой жизни Вьетнама. Они могли попасть в гарем, изначально приглянувшись императору вне дворца (например, И Лан в XI в.¹³ или лодочница, которую после первой же встречи привел во дворец император Тхань Тхай, правивший на рубеже XIX–XX вв.¹⁴) или значительно более трудным жизненным путем, как это было, к примеру, с матерью императора Ле Уи Мука¹⁵, правившего в начале XVI в.

Тем не менее в хрониках содержится и несколько упоминаний об отборе в гарем (*вьет. – tuyển vào hậu cung*). Хроника Кыонг Мук сообщает за 1061 г.: «набрали 12 девушек из народа в задние покои».

Весьма резонансным оказался изданный в 1130 г. указ дочерям всех чиновников: «Запрещено рано выходить замуж. Дождитесь отбора в гинекей задних покоев. Если не пройдет отбор, только тогда дозволено создавать семью». Этот указ вызвал гневные комментарии летописцев. Ле Ван Хыу писал: «Небо порождает людей и дает им государя, чтобы пестовал их, а не для того, чтобы они обеспечивали его самого. ...Поэтому в Ши Цзине появились стихи, превозносящие своевременный брак и порицающие поздний. Ли Тханг Тонг издал такой указ – это и есть обеспечение самого себя, а вовсе не родительская забота о народе»; Нго Ши Лиен отмечал: «Император был юн и всего лишь думал об отборе дочерей всех чиновников в гинекей задних покоев»¹⁶.

В 1226 г., т.е. на следующий год после прихода к власти династии Чан, дворцовые женщины и принцессы императора Ли Хюэ Тонга были выданы замуж за горцев, а взамен в 10-м месяце того же года «в гарем набраны красивые дочери из народа».

В 5-м месяце 1441 г. «издали указ набрать во всех уездах красивых женщин», а в 8-м месяце их направили во дворец на смотрины. Тогда же «бросили в тюрьму упрямых женщин». Стоит отметить, что на тот год пришлась ожесточенная внутриворцовая борьба, в которой самое активное участие принимали различные жены императора Ле Тхай Тонга. Можно сказать, что это был *ad hoc*

набор обитательниц гарема, чтобы избавиться от потенциально беременных конкуренток при сохранении общей численности гарема.

Самый оригинальный способ отбора женщин в гарем, пожалуй, принадлежит уже упоминавшемуся императору Тхань Тхаю. Известный своими патриотическими настроениями (за которые впоследствии был смещен французской колониальной администрацией и отправлен в ссылку), он решил набирать девушек во дворец не для привычной им роли, а в качестве ... боевой силы, своего рода элитного женского отряда. Критерием отбора здесь стала не красота, а физическая сила и выносливость. В самом же дворце вместо традиционных для дворцовых женщин занятий они должны были проходить боевую подготовку.

Согласно книге доктора Ш. Оккара «Кампания в Тонкине» 1892 г., выделяющейся на фоне прочих путевых заметок иностранцев прекрасно сделанными автором фотографиями Северного и Центрального Вьетнама, женщины попадали в гарем двумя основными путями – или благодаря своему семейному происхождению (дочери видных гражданских или военных чиновников, а также богатей), или посредством отбора, проводимого для девушек из народа, «которых выкупала из их семей императрица, чтобы они выступали во дворце в качестве актрис и радовали монарха своей красотой»¹⁷.

Дворцовые женщины в Хюэ. 1890-е гг.

Источник: Hocquard Ch. Une campagne au Tonkin. Paris. 1892. P. 524.

Подобные сведения в целом подтверждают приведённые нами выше данные вьетнамских источников.

Резюмируя вышесказанное, нужно отметить, что собранная нами информация, к сожалению, довольно скудна и не позволяет представить целостной картины и детально визуализировать процедуру набора в гарем. Но все же на ее основе можно сделать некоторые выводы. Первичным и базовым критерием для участия в отборе выступали внешние данные. При этом «конкурс» проходил преимущественно среди простолюдинок и осуществлялся по всей территории страны. Победительницы попадали в императорский дворец (напрямую или после отдельного испытания уже при дворе, на что указывает сообщение за 1441 г.), но занимали при этом низшие ступени в гаремной иерархии, зачастую даже не наложниц, а служанок и/или певичек. В этом смысле их нельзя назвать «невестами императора», так как теоретически в течение их жизни в гареме монарх мог просто не обратить на них внимания. Возможностей выйти замуж даже после смерти монарха, в чей гарем они попали, было немного. Впрочем, в определенные периоды истории после смерти императора дворцовые женщины могли быть отпущены домой к своим родственникам, о чем, в частности, свидетельствует указ императора Минь Манга в первый год своего правления (1820). Но вне зависимости от того, были они во дворце или оказались за его пределами, многие из них до конца своих дней оставались «старыми девами». Верность скончавшемуся супругу поощрялась властями.

Судя по приведенным примерам, отбор в гарем во Вьетнаме проводился скорее по случаю, а не на регулярной регламентированной по срокам основе (как это было, скажем, с литературными конкурсными экзаменами на занятие должности в чиновничьем аппарате). В то же время нельзя полностью исключать и вариант, что составители хроник включили в них исключительно такие мероприятия, а обыденные смотрины посчитали слишком незначительными для попадания в официальную историю.

Найденная информация не позволяет сделать выводы о том, какие критерии предъявлялись к «конкурсанткам» (напрашивается аналогия с Китаем, но она может быть ошибочной). Тем самым остается открытым вопрос, насколько «красота» претенденток должна была подкрепляться «талантом». Такая детализация состязаний в красоте возможна лишь на материале XX–XXI вв., чему и будет посвящена вторая часть статьи.

Окончание: Том III, № 4(49), 2020.

¹ Полное собрание исторических записок Дайвьета. Том 1. М., 2002. С. 88–89.

² Đại Việt sử ký toàn thư. URL: <http://www.viethoc.org/eholdings/sach/dvsktt.pdf>, tr. 191–192.

³ Подробнее об этом – см.: Никулин Н.И. Вьетнамская литература: от средних веков к Новому времени. X–XIX вв. М., 1977. С. 150–152.

⁴ Цит. по Никулин. Н.И. Ук. соч. С. 156. Сверено с вьетнамской версией – Thiên Nam ngữ lục. Tập 1. Hà Nội. 1958, Tr. 128.

⁵ Полное собрание исторических записок Дайвьета. Том 2. Перевод с ханвьета, комментарий, предисловие и приложения К.Ю. Леонова, А.В. Никитина и А.Л. Федорина. Вступительная статья А.Л. Федорина. М., 2010. С. 138.

⁶ Здесь и далее перевод на русский язык мы приводим по недавно вышедшему в России двуязычному изданию – Нгуен Зу. Повесть о Киеу. Перевод свободным стихом: Ву Тхе Кхой. Редактирование: Софья Корчикова. Изд-во «Thế giới». 2015. Хотя в переводе произведение названо повестью, автор в статье придерживается более принятого его обозначения как поэмы.

Первые строки поэмы иначе переведены Арк. Штейнбергом:

«Пока до конца не иссякнут наши земные года,
Талант и судьба везде и всегда

Дышат слепой обоюдной враждой» (Никулин Н.И. Все живое. М. 1965).

К сожалению, в этой книге были помещены лишь некоторые фрагменты поэмы, поэтому для унификации автор использовал именно перевод Ву Тхе Кхой.

Для работы с вьетнамским текстом произведения, в частности, поиска нужных слов и выражений удобно использовать его электронную версию, где пронумерована каждая строка поэмы: URL: <https://sites.google.com/site/khonggianketnoidqt/truyen-kieu-tro-n-bo>

⁷ Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиция и современность. М., 1976. Цит. по: Кравцов М.Е. Женский образ в китайской лирике. URL: <http://www.synologia.ru/a/Женский%20образ%20в%20китайской%20лирике>

⁸ Смотр невест как составляющая брачной политики русских династий начала Нового времени стал предметом отдельного фундаментального исследования американского историка Рассела Мартина – *Martin R.E. A Bride for the Tsar. Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia*. Illinois: Northern Illinois University Press; DeKalb. 2012.

В Сети легко находятся даже архивные документы по данной теме, к примеру, «Список девиц, бывшим на смотринах у царя Алексея Михайловича, среди которых упомянута его будущая жена Наталья Кирилловна Нарышкина». URL: <http://romanovy.rusarchives.ru/aleksey-mihaylovich/spisok-devicam-byvshim-na-smotrinah-u-carya-alekseya-mihaylovicha-sredi-kotoryh>

⁹ Описание «в лицах» свадьбы царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой. Российский государственный архив древних актов. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 16. Л. 1–68. Список XVIII в. URL: <http://romanovy.rusarchives.ru/mihail-fedorovich/opisanie-v-licah-svadby-carya-mihaila-fedorovicha-s-evdokiey-lukyanovnoy>

¹⁰ Вьетнамский термин, обозначающий «гарем», т.е. совокупность жен (за исключением главной жены), наложниц (*вьет.– ngư nữ*) и различных служанок звучит как *фи тан* (*вьет.– phi tần*). Само слово *фи* означает «младшая жена». «Гарем» как помещение чаще всего именовался *nội cung* (дословно – «внутренние покои» или «внутренний дворец») или *hậu cung* («задние покои»/«задний дворец»).

¹¹ См., к примеру, *Chế Thị Hồng Hoa. Hậu cung triều Nguyễn. (Te Txi Хонг Хоа. Гарем при династии Нгуен).* // *Nghiên cứu và Phát triển.* № 4 (102). 2013. Тр. 30–36.

¹² Шесть министерств (*вьет. – lục bộ*) – впервые сформированы императором Ле Нги Заном в 1459 г. В их число входили министерства ритуалов, назначений, наказаний, финансов, военное и общественных работ.

¹³ История вхождения этой девушки «без роду без племени» в гарем подробно описана в хрониках: «По преданию император молился, прося о потомстве, но не сбывалось. Однажды посещал буддийские пагоды и даосские скиты. Куда бы ни приезжал императорский экипаж, юноши и девушки разбегались, почтительно наблюдая издали и предаваясь безделью. Только одна девушка собирала шелковицу, стоя в зарослях посконника. Император увидел ее и повелел забрать во дворец. Когда прибыли в столицу, приказал объявить ее супругой И Лан, желая обрести от нее детей» (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 3. М., 2012. С. 167.). Это произошло в 1063 г., а в 1066 г. И Лан родила императору сына (который на следующий же день был провозглашен наследником престола; в будущем император Ли Нян Тонг). Ей тут же был присвоен титул супруги-*тхан фи*. Отметим, что титул далеко не самый важный в иерархии гарема.

¹⁴ Подробнее об этой истории – см. *Đình Công Vĩ. Chuyện tình vua chúa hoàng tộc Việt Nam.* NXB Phụ Nữ, 2012. Тр. 362.

¹⁵ По данным летописи Тоан Тхы в переводе А.Л. Федорина, мать Ле Уи Мука «будучи ребенком, осиротела и впала в нищету. Продавала себя жителям области фу Фунгтхиен. Кто-то из членов ее семьи совершил преступление, и ее забрали в казну рабыней ...», т.е. фактически речь идет о том, что до попадания в гарем она занималась проституцией. В императорский дворец она попала в самом низком статусе, что, впрочем, не помешало ей потом так высоко продвинуться по карьерной лестнице.

¹⁶ Полное собрание исторических записок Дайвьета. Том 1.

¹⁷ *Hocquard Ch. Une campagne au Tonkin.* 1892. P. 524.